

СОЦИОЛИНГВИСТИКА, ЭТНОЛИНГВИСТИКА, ПСИХОЛИНГВИСТИКА КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ

УДК 811.111'25

ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ВАРИАТИВНОСТИ ЯЗЫКА В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ АВТОХТОННЫХ АРЕАЛАХ

Петренко А. Д., Храбскова Д. М., Петренко Д. А.

Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь, Крым, Российская Федерация

E-mail: aldpetrenko@mail.ru

danuta_simf@yandex.ru

daniil.petrenko@list.ru

Работа посвящена изучению проблем этнически и функционально обусловленной вариативности языка в немецкоязычных автохтонных регионах. Геополитическая ситуация в современном мире неоднозначна. С одной стороны, человечество стремится к установлению общенационального единства. С другой – увеличение числа межнациональных конфликтов, подъем региональных движений обуславливают тенденцию к обострению этнического самосознания. Актуализируется интерес лингвистов к вопросам функционирования языка в полиэтнических социокультурных зонах, исторически сложившихся на приграничных территориях в условиях интерференции генетически неблизкородственных культур.

Ключевые слова: геополитическая ситуация, социальное единство, языковая интерференция, полиэтнические социокультурные зоны.

ВВЕДЕНИЕ

Социальная лингвистика как один из разделов науки о языке во многом зависит как от развития социума, так и от конкретных общественных условий, стимулирующих проведение тех или иных социолингвистических исследований. Как справедливо отмечает В. Ю. Михальченко, в настоящее время возродилось внимание к национальным культурам и языкам, реализуется стремление разных народов расширить социальные функции национальных языков, повысить их роль в социальной жизни разных языковых общностей [15, с. 7].

Анализируя статус французского языка в развивающихся странах Африки и Азии, А. И. Чердниченко подчеркивает, что «факт независимости азиатских и африканских стран, вызвав изменение функций и функционального статуса западноевропейских языков, одновременно сделал возможным закрепление соответствующих (иногда довольно существенных) изменений в самой структуре этих языков» [32, с. 3]. Подобные процессы имеют следствием и частичную перестройку системы образования, изменения ее содержательной стороны, ориентированной на новые социальные и языковые реалии.

Последнее десятилетие можно считать новым этапом развития социолингвистики, требующим совершенствования ее теории, методики проводимых полевых исследований, используемой при этом терминологии. В сферу проблем изучения включены такие крупные темы, как двуязычие и многоязычие, языковая вариативность и социальное расслоение говорящих, развивающиеся языковые изменения и целый ряд других. Одним из главных стимулов данного развития являются те социальные процессы и явления, которые происходят буквально на глазах нынешнего поколения. Важной особенностью языковой ситуации в большинстве стран является значительное расширение употребления обиходно-разговорного языка во всех его разновидностях, от сближающихся с диалектом до приближающихся к литературному языку. Региональный вариант обиходно-разговорного языка в процессе коммуникации нередко приобретает особую функциональную нагрузку. Действие регионального фактора носит в языке четко выраженный дивергентный характер. Однако это препятствует осуществлению его главной функции – коммуникативной, поскольку противоречит тенденции к интеграции общества по мере развития его социальных, культурных, экономических и политических структур. Социолингвистические исследования последних десятилетий значительно обогатили представления о зависимости языковых структур от региона их распространения. Опыт показывает, что региональный фактор неотделим от социального и является вместе с диахроническим аспектом «источником лингвистической вариативности, которая служит базой для «социализации» языкового варьирования» [19, с. 61].

Целью статьи является изучение языковой ситуации в немецкоязычных автотонных регионах. Исследование проблем диглоссии в любой социокультурной зоне является процессом многоступенчатым, требует синтеза теоретических и статистических данных таких наук, как социолингвистика, этнопсихолингвистика, этнография, история, а также учета геополитической и этнографической ситуаций и проведения полевых лингвистических исследований. **Основной задачей** работы становится анализ языковых изменений конвергентного типа, развивающихся при двуязычии (многоязычии), изучение аспектов языковой вариативности при этнически обусловленном социальном расслоении говорящих.

Исследование предполагает этнолингвистический анализ языковой ситуации на территориях, для которых характерно взаимодействие различных языковых форм и языков (выступающих в качестве основополагающих этнических признаков), а также социолингвистическое обоснование феномена билингвизма.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

1. Изучение кодового состава матрицы общения в условиях межэтнической интерференции конвергентного типа во Франции (Эльзас)

Собранные на территории Эльзаса статистические материалы, были применены к теоретическим разработкам А. С. Герда, Л. В. Щербы, Р. Якобсона, Дж. Дж. Гамперца, У. Лабова, В. М. Жирмунского, Ю. О. Жлуктенко, О. Б. Ткаченко, А. И. Чередниченко. Цель работы не состояла в уточнении и разграничении понятий «племя – народность – нация», поэтому они объединены в общем идиоме «этнос», понимаемом как «исторически сложившуюся на определенной территории устойчивую совокупность людей, обладающих единым языком, некоторыми общими относительно стабильными

особенностями культуры и психики, а также общим самосознанием, фиксированным в этнониме» [2, с. 392]. В ряде этнографических исследований [2; 8] приводится понятие государственности, как показателя этнической принадлежности. Вплоть до 70-80 гг. прошлого века принято было считать моноэтническими такие государства как Франция, Германия, Италия, Польша и т. д., где этническая принадлежность каждого отдельно взятого гражданина определялась этнонимом большинства граждан страны. На современном этапе развития Европейского сообщества, в условиях прозрачности государственных границ и всевозрастающей миграции населения, ставится вопрос о корректности употребления понятия «*моноэтническое государство*». Согласно этнографическим справочникам, моноэтническим считается государство, более 90% населения которого принадлежит к одному этносу. Таким образом, моноэтнической всегда принято было считать Германию, большинство населения которой составляли немцы, хотя сложившаяся ситуация стремительно меняется на наших глазах в связи с резким притоком беженцев из стран Ближнего Востока. Предыдущие периоды иммиграции в Германию пришлось на пятидесятые и девяностые годы XX-го столетия, после переселения туда значительной части населения Турции, бывшей Югославии, евреев и этнических немцев из стран бывшего СССР и СНГ. С такой формальной точки зрения Франция также вряд ли может рассматриваться как моноэтническое государство, поскольку процент французов от общего количества жителей к 2015 году не превышал 80% и постоянно сокращается по тем же причинам, что и этнически коренное население в других государствах Западной Европы.

Принимая в качестве показателя этнической принадлежности критерий наличия/отсутствия этнического самосознания, необходимо отметить, что в областях, населенных эльзасцами, бретонцами, басками, каталонцами, корсиканцами, а также во всей Южной Франции наблюдается тенденция к возрождению традиционной культуры. Данный процесс выражается в организации фестивалей, призванных пропагандировать традиционную культуру, в усилиях, прилагаемых к возрождению местных языков, практически утративших к середине 70-х гг. XX века свои коммуникативные функции. В итоге рост этнического самосознания привел к тому, что в 1982 г. Франция официально признала существование «коренных этнических меньшинств», их языков и культур. В школах было введено изучение корсиканского, каталанского, фламандского, эльзасского и окситанского языков/диалектов; созданы «этнические» программы на радио и телевидении, началось развитие книгоиздательства на этнических языках.

Эльзас – самый маленький из четырех французских т. н. регионов-метрополий [55], занимает площадь в 8,3 тыс. кв. км. между Вогезами и Рейном на германо-швейцаро-французской границе. В ходе борьбы между Францией и Германией Эльзас шесть раз переходил от одной стороны к другой, пока в 1919 году не был окончательно объявлен частью территории Франции. Особенности территориальной расположенности и исторического развития оказали значительное влияние на этнический состав населения и его самоопределение. По данным статистики INSEE (национальный институт статистики и экономических исследований Франции), общая численность населения Эльзаса в конце XX-го столетия составила 1 729,8 тыс. человек, из которых 1 400 тыс. – эльзасцы, 44 883 – французы, 128 689 – турки, марокканцы, алжирцы, 156 288 – немцы, евреи. Следовательно, можно говорить о наличии разветвленной этнической струк-

туры населения данной культурно-исторической области, состоящей из автохтонного этноса и субэтносов (или национальных меньшинств).

Лояльная политика либерализма, проводимая региональным правительством Эльзаса, способствует процессам консолидации даже генетически неродственных этнических образований, а также делает данную территорию притягательной для иммиграции.

Группу, представленную турками, марокканцами, алжирцами, можно рассматривать как находящуюся на начальной стадии интеграции, поскольку процесс расселения данных этнических меньшинств в исследуемом регионе начался относительно недавно. Это позволяет коренным жителям расценивать их как иностранцев, с культурой и языком чуждыми местным традициям.

Иначе выглядит ситуация, сложившаяся в отношении к этнической группе, представленной евреями, начавшими в массовом порядке осваивать Эльзас еще в XVI веке. Их расселение в данном регионе не было обусловлено ни притягательностью местности, ни особенностями экономической ситуации. Внутренняя политика, проводимая государством, привела к тому, что в XVI веке Эльзас-Лотарингия был объявлен «линией оседлости» евреев на территории Франции. Позднее Людовик XIV издал указ о депортации на территорию Эльзаса также евреев-сефардов из Южных регионов Франции. Последовательно, на протяжении веков, в процессе консолидации с местным населением, сформировалась этническая общность, именуемая себя эльзасскими евреями и обладающая собственным языком/диалектом – эльзасским диалектом идиша.

Иммиграция немцев на территорию Эльзаса началась в XVII-XVIII вв., но ни немцы, ни французы не ассимилировались, как можно было бы предположить, с автохтонной этнической общностью данной территории – эльзассцами. Причины, по-видимому, кроются в особенностях этничности каждого из вышеуказанных народов.

Эльзасцы сформировались на пограничье романской и германской этнической среды в областях Эльзаса и Лотарингии из кельтских племен, населявших эти земли на рубеже новой эры, и испытавших сильное влияние германских племен – рипуарских франков и аллеманов. Особенности влияния как первых, так и вторых можно проследить и в наше время, что выражается в использовании эльзассцами, проживающими на различных территориях, не только нижнеаллеманского и верхнеаллеманского диалектов франкско-аллеманской диалектной зоны южнонемецкого субареала, но и нижнефранкского диалекта нижне немецкого ареала, не участвовавшего во втором верхне немецком передвижении. Данный факт свидетельствует о правомочности утверждения жителей департамента Haut-Rhin (Верхний Рейн) о том, что население некоторых сопредельных территорий департамента Bas-Rhin (Нижний Рейн) говорит на особом и непонятном им языке.

Таким образом, эльзасцы представляют собой этническую общность, корнями восходящую к кельтам и в процессе многовекового соседства с немцами и французами консолидировавшую особенности этнического самосознания всех трех этносов, что привело на начальном этапе к возникновению новой смешанной культуры. А далее, в процессе трансформации, к переходу из одного этнического состояния в другое. В этнографической науке до сих пор не завершена разработка методики определения начальной и конечной границ формирования этнической общности. Однако, исходя

из утверждения, что язык является важным фактором характеристики этноса, можно привлечь данные лингвистики и определить дату окончания формирования эльзасского этноса XVIII веком, периодом завершения становления нижнеаллеманского (эльзасского) диалекта.

Особенность этнического самосознания эльзасцев наиболее удачно выражена в словах Тима Мак Брайана (известный в Европе музыкант, уроженец Эльзаса) утверждающего, что «каждый эльзасец представляет собой удачное сочетание немецкой основательности и французского «духа» («esprit»)» [53]. На этом «сочетании» и следует акцентировать внимание, поскольку именно оно не позволяет эльзасцам ассимилироваться ни с немцами, ни с французами. С геополитической точки зрения Эльзас является неким буфером и исполняет роль, подобную той, которую О. Б. Ткаченко в своей статье [28] отводит Украине – между Западом и Востоком (в случае с Эльзасом – между Францией и Германией).

Эльзас – регион с официальным франко-германским двуязычием. С функциональной точки зрения можно было бы говорить о несбалансированности языковой ситуации, поскольку французский язык, наряду со статусом официального языка региона, обладает статусом национального языка Франции. Тем не менее, не следует недооценивать роль немецкого языка в жизни эльзасского социума: немецко-французское двуязычие является порой необходимым условием при устройстве на работу, либо поступлении в университет (например, некоторые факультеты Université Louis Pasteur (университет им. Луи Пастера). В данной ситуации, представители национальных меньшинств, являющиеся носителями турецкого, арабского, идиша для социальной ассимиляции вынуждены овладевать не одним, а сразу двумя языками. Это осуществили эльзасские евреи, 85% которых владеет в равной степени идишем, немецким и французским языками. Турецкие и арабские иммигранты, в общей массе не владеющие немецким языком (за исключением тех турок, которые попадают во Францию через Германию), обладают минимальной возможностью ассимилироваться с местным населением. Именно франко-немецкий билингвизм и является основным показателем принадлежности к автохтонной эльзасской этнической общности.

Феномен билингвизма в Эльзасе требует более детального рассмотрения. В первую очередь, необходимо отметить, что двуязычие может определять принадлежность носителей сразу к двум этническим (социальным) группам. В условиях «смешанного» билингвизма носитель постоянно переходит от одного языка к другому и употребляет то один, то другой язык в зависимости от социальной обусловленности ситуации. В тех случаях, когда люди свободно владеют двумя языками и регулярно переключаются с одного на другой, у них, по мнению Л. В. Щербы, «создается своеобразная форма языка. При этом каждая идея имеет два способа выражения: получается, в сущности, единый язык, но с двумя формами, образовавшийся в результате иногда взаимного, иногда одностороннего приспособления двух языков друг к другу» [34]. Для обозначения такого единого языка Л. В. Щерба использует термин «*langue mixte à deux termes*» («смешанный язык с двумя терминами»). Смешение языков, существующих в индивиде, происходит на всех уровнях – синтаксическом, семантическом, фонологическом. В условиях фонологического смешения двух языков в один «с двумя терминами» считается, что речь принадлежит тому языку, на котором выра-

жены грамматические связи, примером чему может служить анекдотическая фраза на «петербургском» немецком языке «bring die банка mit варенье von der полка im чулан, которая ощущается как немецкий язык» [35].

Говоря о координативном билингвизме в Эльзасе, не следует упускать из внимания явление диглоссии, характерное для немецкого языка данного региона. Десять процентов жителей Эльзаса, постоянно работающих в Германии, используют и немецкий литературный язык (как способ коммуникации в немецкоязычной среде), и один из указанных ранее немецких диалектов (преимущественно эльзасский) (как показатель этнической принадлежности). В то время как «оседлое» население Эльзаса владеет лишь одним из диалектов немецкого языка. Таким образом, феномен франко-немецкого билингвизма в Эльзасе заключается в его коллективном, горизонтальном и координативном характере, что достигается достаточно редко.

В целом, языковая ситуация на территории Эльзаса является экзогlossной, несбалансированной с элементами диглоссии, характеризуется наличием генетически неродственных языков, а также франко-германского билингвизма, как особой формы самовыражения автохтонного населения – одного языка «с двумя терминами».

Перспектива дальнейшей разработки затрагиваемой проблематики связана с изучением фоностилистических особенностей феномена билингвизма в Эльзасе, как единого языкового кода «с двумя терминами», выработанного в процессе исторически обусловленного, перманентного развития немецкого и французского языков с обоюдосторонним влиянием.

2. Изучение функционально и социально обусловленных вариантов языка в немецкоязычных странах

С точки зрения функциональной стратификации развитые национальные языки всегда рассматривались в качестве организованных систем различных форм существования. Традиционно к ним относят литературный (стандартный) язык, разновидности обиходно-разговорного языка и диалекты. Подобная дифференциация опирается не только на исторический опыт развития языков, но и полностью отражает реальную языковую ситуацию в большинстве регионов мира. Как отмечает О. Е. Семенец, «любой язык обслуживает конкретное языковое сообщество, которое представляет собой совокупность людей, владеющих в той или иной мере данным языком» [26, с. 18].

Очевидно, что осуществляя в процессе коммуникации разные функции, формы существования языка находятся в его функциональной системе в отношении взаимодополнения. Как полагает Н. И. Филичева, «данные формы исследуются в качестве отдельных моносистем в известной абстрагированности от макросистемы в целом» [29, с. 7]. Как известно, «современный немецкий язык функционирует в нескольких государствах, имеет полинациональный характер и используется в виде нескольких национальных вариантов. Поэтому структура функциональной системы немецкого языка в основных странах его распространения, состав и характер объединяемых ею форм существования языка, а также социальный статус последних обнаруживают четкую дифференциацию» [29, с. 7], обусловленную рядом факторов.

При описании коммуникативных норм использования форм существования языка и языковой ситуации в Германии также используется понятие диглоссии, введенное впервые Ч. Фергюсоном. Под этим понятием рассматривается функциональ-

ная дистрибуция форм существования, из которых одна занимает верхний, а другая низший страт в коммуникативной системе определенной языковой общности. Как отмечает У. Аммон, «функциональная дистрибуция форм существования в странах немецкого языка обнаруживает различия, проявляющиеся в разной профилированности и в разной стабильности» [37, с. 55].

Языковую ситуацию в немецком ареале характеризует расширение социальной базы литературного языка. Тем не менее, вряд ли можно утверждать, что в использовании других форм существования немецкого языка проявляется «коммуникативная несостоятельность». Действительно, во многих социальных сферах диалект не может выступать в качестве единственного коммуникативного средства, хотя и используется многими носителями языка. За последние десятилетия подвергся существенному уточнению базовый термин – «литературный язык», который длительное время отождествлялся с понятием «национальный язык». Многие немецкие языковеды для обозначения литературного языка эпохи становления нации пользовались терминами «письменно–литературный язык» (*Schriftsprache*), «единый язык» (*Einheitssprache*), «литературная языковая норма» (*Hochsprache, Kultursprache*) и т. п. С начала 70-х годов XX-го столетия между этими двумя понятиями и обозначаемыми ими явлениями проводится все более четкое различие. Впервые это было сделано в работе М. М. Гухман «Литературный язык» [8].

В отличие от литературного языка «национальный язык представляет собой не одну из форм существования языка, а определенный исторический этап в развитии всех форм его существования. Национальный язык характеризуется иерархической структурой: ядро образует национальный литературный язык, периферию составляют территориальные диалекты, а в большую промежуточную зону между ними входят разнообразные наддиалектные формы языка, например, разговорный язык» [9].

Таким образом, двумя полюсами ряда вариаций являются *диалект* и стандартная вариация – *литературный язык*. Без сомнения, литературный язык является одной из форм существования языка наряду с территориальными диалектами, полудиалектами и разновидностями обиходно-разговорного языка. В основе системы немецкого языка располагаются территориальные диалекты, разновидность которых представляет собой на сегодняшний день довольно широкую палитру. Диалекты могут использоваться говорящими и за пределами зоны своего распространения. Как подчеркивает А. И. Домашнев, чем шире лингвосоциум, обслуживаемый диалектом, тем он более неоднороден и тем многообразнее прагматические задачи, которые решаются коммуникантами в процессе речевой деятельности. Следствием этого является появление новых вариаций – полудиалектов (*Verkehrssprachen*), обиходно-разговорных языков (*Alltagssprachen*) и т. д., вплоть до литературного языка [9, с. 143].

Понятие разговорного языка (*Umgangssprache*) не раз подвергалось систематизации в немецкой лингвистической литературе. Так, например, Й. Радтке приводит 20 терминов, которые используются для определения этого явления. Нетрудно заметить, что все трактовки разговорного языка связаны, прежде всего, с различными дефиниционными подходами. С одной стороны, это критерии социолингвистического характера: *Geschäftssprache, Arbeitssprache, gemeinsame Verkehrssprache, gebildete Umgangssprache, Durchschnittssprache, landschaftliche Umgangssprache, regionale Gemeinsprache, Gegendssprache* [48, с. 128].

Важной особенностью языковой ситуации в немецкоговорящих странах является значительное расширение употребления обиходно-разговорного языка во всех его разновидностях, от сближающихся с диалектом до приближающихся к литературному языку. Региональный вариант обиходно-разговорного языка в процессе коммуникации нередко приобретает особую функциональную нагрузку. Действие регионального фактора носит в языке четко выраженный дивергентный характер. Однако это препятствует осуществлению его главной функции – коммуникативной, поскольку противоречит тенденции к интеграции общества по мере развития его социальных, культурных, экономических и политических структур. Социолингвистические исследования последних десятилетий значительно обогатили представления о зависимости языковых структур от региона их распространения. Опыт показывает, что региональный фактор неотделим от социального и является вместе с диахроническим аспектом «источником лингвистической вариативности, которая служит базой для «социализации» языкового варьирования» [7, с. 61].

Изучение, так называемых, групповых языков свидетельствует о тесном переплетении (*Ineingreifung*) территориальных и социальных факторов при формировании таких языковых образований, как местные и городские языки. Это наблюдение можно считать отражением принятого в социологии положения о том, что социальные группы, классы, слои нельзя описать без учета их регионального положения, которое в значительной степени определяет специфику социального структурирования.

Социальная стратификация языка представляет собой, наряду с социальной дифференциацией общества, многомерное образование, функционирующее в различных измерениях. Как уже часто отмечалось в исследованиях по социолингвистике (У. Аммон, У. Лабов, А. Петренко и др.), для данной структуры характерно противопоставление двух плоскостей социально обусловленной вариативности языка – *стратификационной* и *ситуативной* [37; 43; 20].

В качестве основных единиц стратификационной вариативности языка рассматривают *языковые коллективы*, представляющие собой совокупность социально взаимодействующих индивидов, которые обнаруживают определенное единство языковых признаков. Впервые эта точка зрения получила системное развитие в трудах Е. Д. Поливанова о фонетических признаках социально-классовых диалектов и, в частности, русского стандартного языка; В. М. Жирмунского о роли национального языка и социальных диалектов, а также В. Д. Бондалетова об условно-профессиональных языках русских ремесленников и торговцев. Свое дальнейшее развитие данные проблемы нашли в трудах Ю. А. Жлуктенко, А. И. Домашнева, В. М. Бухарова, О. Е. Семенца, А. И. Чердниченко, Н. И. Филичевой, О. Б. Ткаченко, А. Д. Петренко, Л. И. Прокоповой, М. П. Дворжецкой, Э. Ш. Исаева, Е. А. Устиновича, С. Е. Перепечкиной, Д. М. Храбсковой, Т. В. Бридко, А. В. Пономаревой, Д. С. Бородиной, Л. С. Бор и других лингвистов.

Исследования вариантов современного немецкого языка, связанных с действием социальных факторов, требуют принимать во внимание региональные маркеры, проявляющиеся в речевом поведении носителя языка. Данные факторы могут фиксироваться как при анализе разговорных форм, так и стандартных. Региональные особенности говорящих сказываются прежде всего в рамках ситуативной вариативности. В зависимости от ситуации общения, говорящие допускают большее или меньшее число

диалектных реализаций. Для установления и идентификации подобных фактов целесообразно использовать различные источники диалектных вариантов, включающих в себя не только исследования по диалектологии немецкого языка, но и имеющиеся в распоряжении лингвистов атласы немецких диалектов – Deutscher Sprachatlas. – 23 Lieferungen. – Marburg, 1927–1956; L. F. Weifert, Deutsche Mundarten. – J. F. Lehmanns-Verlag. – München, 1964–1965; Н.- Н. Wängler, Atlas deutscher Sprachlaute. – Akademie-Verlag. – Berlin, 1974.

Функционально-типологическая характеристика диалекта также включает социолингвистический признак взаимодействия диалекта с определенными социальными и возрастными слоями общества. По мнению М. М. Гухман, «социальная база диалекта, как и социальная база литературного языка, – категории исторические, причем широта первой обратно пропорциональна широте второй» [8, с. 81]. Поэтому, вопрос о принадлежности носителей диалекта к определенному социальному слою требует конкретно-исторического рассмотрения. Вряд ли можно говорить, отмечает В. М. Бухаров, об однозначном и прямолинейном соответствии между носителем диалекта и социальным слоем общества. Функционирование как литературного языка, так и диалекта в малой степени связано с теми или иными слоями общества [5, с. 138].

В исследованиях языковой ситуации в немецкоговорящих странах часто отмечается, что диалектами пользуются низшие слои общества – крестьяне, фермеры, производственные рабочие, мелкие ремесленники и служащие, обладающие низким культурно-образовательным уровнем, тогда как к числу носителей литературного языка относят средние и высшие слои общества – чиновников, политических и государственных деятелей, отличающихся высоким уровнем образования. Сомнительность подобных утверждений не раз подвергалась критике в лингвистической литературе. Так, например, Г. Леффлер подчеркивал, «что в Швейцарии и Австрии диалект употребляется представителями средних и высших слоев в качестве основного средства общения в сфере общественной жизни» [45, с. 56]. Социально-коммуникативный статус местных диалектов в Швейцарии заметно отличается от его роли в других немецкоговорящих странах. Распространенные в Швейцарии диалекты представляют собой поддиалекты единого аллеманского диалекта. В силу относительной целостности своей структуры аллеманский диалект выполняет функции обиходно-разговорного языка (*Schwyzertütsch*) и используется всеми жителями государства без каких-либо социальных и возрастных ограничений.

Сравнивая степень распространения и статус диалектов в Швейцарии и в Германии, В. Шенкер отмечает, что если в Германии местный диалект может явиться препятствием в социальном продвижении, то в Швейцарии, напротив, незнание диалекта может привести к социальным затруднениям [50, с. 98]. Подобное можно отнести и к характеристике языковой ситуации в Австрии. Так, например, П. Визингер подчеркивает, что языковая ситуация в этой стране имеет заметное сходство с южнонемецким субареалом, поскольку в Австрии также наблюдается расслоение устной речи в зависимости от социальных и ситуативных факторов, выделение в ней нескольких пластов, имеющих разное коммуникативное назначение и разную степень престижности [52, с. 193]. Тем не менее, сфера употребления диалекта в процессе общественной коммуникации не всегда ограничивается рамками повседневно-бытового общения.

Диалекту принадлежит важная роль и как средству публичной речи: он используется в федеральных (Германия) и кантональных (Швейцария) советах, различных союзах, клубах. К диалектизмам часто прибегают и политики в целях установления коммуникативного контакта и создания соответствующей психологической атмосферы с аудиторией.

Ряд исследователей обращает также внимание на тот факт, что степень использования литературного языка или диалекта может быть дифференцирована и по признаку пола. И. Тэлдеманн было установлено, например, что во Фландрии женщины стремятся больше соблюдать нормы стандартного языка в области произношения, чем мужчины [51, с. 52].

Л. Якобс провел опрос среди 400 молодых фламандцев, студентов государственного университета в Генте, с целью выяснения факта использования в обиходном общении дома местного диалекта. 50,5% мужчин и лишь около 30% информантов-женщин ответили на этот вопрос утвердительно. При этом 49% женщин заявили, что не стали бы использовать местный диалект даже в быту. У мужчин количество ответивших таким образом составило 28%. Автор указывает на парадокс, при котором родители вынуждены общаться на литературном языке больше с дочерьми, чем с сыновьями [42, с. 22]. Во Фландрии (города Ронс, Мол, Асснед) и в Нидерландах (города Валкенсворд и Вестдорп) был проведен анализ речевого поведения информантов-мужчин и женщин в плане использования ими местного диалекта в различных ситуациях общения с разными партнерами. Это касалось, прежде всего, таких регионов, в которых употребление местного диалекта довольно распространено. Кроме этого, учитывалась ситуация общения информантов при постепенном переходе от непринужденной речи к более корректной (*«ranging from informal to formal»*). В итоге авторы сделали вывод о том, что мужчины в большей степени используют в речи формы местного диалекта, чем женщины [42].

Как свидетельствует анализ лингвистической литературы по проблеме функциональной и социальной дифференциации современного немецкого языка, данные вопросы далеко не полно изучены в современном языкознании. Лингвистами отмечался также тот факт, что использование диалекта и литературного языка может быть связано с возрастом говорящих. Я. Госсенс отмечает, например, что процент говорящих, использующих в повседневном общении литературный язык, более высок в среде младшего и среднего поколений, а среди людей старшего возраста в этой же сфере выше процент говорящих на диалекте [41, с. 146]. При этом в пределах того или иного социального слоя отмечается дифференциация в зависимости от возрастной группы населения. Согласно наблюдениям автора, в нижненемецких регионах Германии подавляющая часть носителей языка, принадлежащих к старшему поколению, пользуется в обиходно-бытовом общении диалектом, в то время как молодые люди используют в качестве средства общения обиходно-разговорный язык. Во многих немецких городах население практически не пользуется местными диалектами, предпочитая им соответствующую форму городского обиходно-разговорного языка. Это связано с процессами миграции и смешения населения, обусловленными поисками работы или учебой в университетах, что приводит к необходимости пользоваться в обиходном общении такой универсальной формой языка, которая в большей степени соответствует требованиям современной жизни.

ВЫВОДЫ

В заключении можно констатировать, что проблема трактовки признака «общности территории» в так называемой теории нации до сих пор остается нерешенной. Вопрос об этнической роли государственности (с учетом территориальных факторов), в свою очередь, заслуживает дальнейшего рассмотрения. Нельзя забывать, что государство возникло значительно позже ранних форм этнической общности и что прокладывание государственно-политической границы само по себе нарушает этнические связи, но не целостность этнической территории, а государственное объединение удаленных друг от друга областей не приводит к их территориальной общности. Целостность, непрерывность этнической территории важна, главным образом, как условие формирования этнической общности; для устойчивого же существования уже сформировавшегося этноса достаточно наличие более или менее значительного, целостного и компактного «этно-территориального ядра», соотносясь или сообщаясь с которым отделившиеся части этноса, живя в среде других этносов, могут длительное время сохранять свою языково-культурную специфику и свое самосознание. Другое дело – каковыми становятся последствия такого сосуществования для разных этносов, языков и культур.

Список литературы

1. Бор Л. С. Социолингвистические особенности произношения производственных рабочих Рурского промышленного региона Германии: Дис.... канд. филол. наук: 10.02.04 / Л. С. Бор. – Донецк, 2013. – 217 с.
2. Борисов В. А. Население мира: демографический справочник / В. А. Борисов. – М.: Мысль, 1989. – 478 с.
3. Бородина Д. С. Фоностилистические особенности английской речи датско-английских билингвов (на материале студенческого социолекта): Дис.... канд. филол. наук: 10.02.04 / Д. С. Бородина. – Донецк, 2008. – 231 с.
4. Бридко Т. В. Социолингвистические особенности немецкого произношения переселенцев из бывшего СССР: Дис.... канд. филол. наук: 10.02.04 / Т. В. Бридко. – Донецк, 2011. – 245 с.
5. Бухаров В. М. Варианты норм произношения современного немецкого литературного языка / В. М. Бухаров – Н. Новгород: Изд-во НГЛИ, 1995. – 132 с.
6. Гамперц Дж. Об этнографическом аспекте языковых изменений / Дж. Гамперц // Новое в лингвистике, вып. VII. – Социолингвистика. – М., 1975. – С. 299–319.
7. Герд А. С. Введение в этнолингвистику. Курс лекций и хрестоматия / А. С. Герд. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. Ун-та, 2001. – 488 с.
8. Гухман М. М. Литературный язык. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка / М. М. Гухман. – М.: Наука, 1970. – С. 502–548.
9. Домашнев А. И. Концепция национального варианта литературного языка / А. И. Домашнев // Мови європейського культурного ареалу. Розвиток і взаємодія. – Киев: Довіра, 1995. – 270 с.
10. Жирмунский В. М. Немецкая диалектология / В. М. Жирмунский. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – 635 с.
11. Исаев Э. Ш. Тенденции развития произношения старшеклассников Германии: Дис.... канд. филол. наук: 10.02.04 / Э. Ш. Исаев. – Киев, 1998. – 220 с.
12. Кваша А. Я., Меликьян Г. Г. Народонаселение. Энциклопедический словарь / А. Я. Кваша, Г. Г. Меликьян. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. – 639 с.
13. Козлов В. И. Некоторые проблемы теории нации / В. И. Козлов // Вопросы истории. – №1 – М.: Изд-во АН СССР, 1967. – С. 88–99.
14. Крысин Л. П. Владение разными подсистемами языка как явление диглоссии / Л. П. Крысин // Социально-лингвистические исследования. (Под ред. Л. П. Крысина и Д. Н. Шмелева.) – М.: Наука, 1976. – С. 62–69.

15. Михальченко В. Ю. О статусе русского языка на постсоветском пространстве / В. Ю. Михальченко // Диалог украинской и русской культур в Украине. – Материалы II-й Международной научно-практической конференции (30–31 октября 1997 г., Киев). – Киев, 1998. – С. 42–48.
16. Перепечкина С. Е. Социолект преподавателя Германии: понятие и фоностилистические особенности / С. Е. Перепечкина // Культура народов Причерноморья. – № 19. – Симферополь, 2001. – С. 55–59.
17. Петренко А. Д. Актуальные проблемы языковой вариативности в аспекте мировой интеграции и глобализации / А. Д. Петренко. – Симферополь, 2011. – 273 с.
18. Петренко А. Д. Социальные проблемы языковой вариативности / А. Д. Петренко. – Симферополь, 2013. – 275 с.
19. Петренко О. Д. Роль німецької мови в процесах соціальної консолідації / О. Д. Петренко // Сб. наук. праць КНУ ім. Тараса Шевченка. – Київ: Изд-во КНУ, 2001. – С.165–170.
20. Петренко А. Д. Социолінгвістическіе проблемы вариативности языка как целостной структуры / А. Д. Петренко. – М.: Перо, 2015. – 282 с.
21. Петренко Д. А. Социофонетическая вариативность произношения политических деятелей Германии: Дис.... канд. филол. наук: 10.02.04 / Д. А. Петренко. – Киев, 2003. – 282 с.
22. Пономарева А. В. Социальная гетерогенность речи жителей г.Эссен (Германия): Дис.... канд. филол. наук: 10.02.04 / А. В. Пономарева. – Донецк, 2013. – 265 с.
23. Прокопова Л. И. Соціолект школярів і німецька літературна вимова / Л. И. Прокопова // Мови європейського культурного ареалу. Розвиток і взаємодія. – Київ, 1995. – С.163–168.
24. Прокопова Л. И. Стилiстичні синоніми як основа для нової класифікації стилів літературної і розмовної мови / Л. И. Прокопова // Культура народов Причерноморья. – № 138. – Симферополь, 2008. – С. 10–11.
25. Социолінгвістическіе проблемы в разных регионах мира. Материалы международной конференции (Москва, 22-25 октября 1996). – М.: Наука, Институт языкознания РАН, – 1996. – 480 с.
26. Семенець О. Є. Соціолінгвістична типологія варіантів поліетнічної мови / О. Є. Семенець // Мовознавство. – №3. – Киев: – 1986. – С. 8–14.
27. Сорокин Ю. А. Этнопсихолінгвістика / Ю. А. Сорокин. – М.: Наука, 1988. – 190 с.
28. Ткаченко О. Б. Особенности истории Украины и формирования украинского языка в их основных чертах / О. Б. Ткаченко // – (Цитируется рукопись).
29. Филичева Н. И. Немецкий литературный язык / Н. И. Филичева. – М.: Высшая школа, 1992. – 177 с.
30. Храбскова Д. М. Фонетическая эволюция французской речи этнических француско-немецких билингвов: Дис.... канд. филол. наук: 10.02.04 / Д. М. Храбскова. – Киев, 2007. – 263 с.
31. Устинович Е. А. Социофонетическая вариативность сегментного состава английского языка бурско-английских билингвов: Дис.... канд. филол. наук: 10.02.04 / Е. А. Устинович. – Донецк, 2008. – 249 с.
32. Чердниченко О. І. Мови і переклад у сучасному світі / О. І. Чердниченко // Мовні і концептуальні картини світу. – К.: Изд-во КНУ имени Тараса Шевченко, 2001. – С. 130.
33. Чердниченко А. И. Язык и общество в развивающихся странах Африки: Проблемы функционирования западноевропейского языка / А. И. Чердниченко. – К.: Вища школа, 1983. – С. 17.
34. Щерба Л. В. К вопросу о двуязычии / Л. В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – С. 313–318.
35. Щерба Л. В. О понятии смешения языков / Л. В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – С. 60–74.
36. Якобсон Р. О теории фонологических союзов между языками / Р. Якобсон // Избранные работы. – М.: Наука, 1985. – С.92–104.
37. Ammon U. Die deutsche Sprache in Deutschland, Österreich und der Schweiz. Das Problem der nationalen Varietäten / U. Ammon. – Berlin: Walter de Gruyter, 1995. – 575 S.
38. Annuaire statistique de la France. – Paris: INSEE, 2001. – 819 p.
39. Bibliographisches Handlexikon in zwei Bänden. – Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1982. – 1375 S.

40. France, portrait social. – Paris: INSEE, 1999. – 218 p.
41. Goossens J. Deutsche Dialektologie / Jan Goossens. – Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1977. – 147 S.
42. Jacobs L. Kennis en gebruik van de Nederlandse taalvariëteiten bij R. U. G.-studenten / Liesbet Jacobs. – Antwerpen, 1990. – 200 S.
43. Labov W. The social stratification of English in New York city / William Labov. – Washington D. C.: Center for Applied Linguistics, xii, 1966. – 655 pp.
44. Le monde d'aujourd'hui. THEMA Larousse. – Paris., 2000, V.2. – 543 p.
45. Löffler H. Dialektologie. Eine Einführung / Heinrich Löffler. – Darmstadt: Gunter Narr Verlag, 2003. – 158 S.
46. Petrenko A. D. Stilistische Varianten der Aussprache im Fremdsprachenunterricht / A. D. Petrenko // Deutsch als Fremdsprache. – №5. Leipzig, 1989. – S. 267–272.
47. Petrenko A. D., Petrenko D. A. Theorie und Praxis der sozial orientierten Phonetikforschung / A. D. Petrenko; D. A. Petrenko // Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik. – Frankfurt am Main, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien: Peter Lang Edition, Intern. Verlag der Wissenschaften. – 2013 – S. 241–253.
48. Radtke I. Die Umgangssprache / Ingulf Radtke. – Berlin : Muttersprache. – Nr. 3., (83) 1973. – 161–171 S.
49. Scharnhorst J. Theorie der Literatursprache. Aspekte der Forschung / Jübgern Scharnhorst // – ZPSK, Nr. 4. – Leipzig: 1986. – S. 446–457.
50. Schenker W. Schweizerdeutsch als Model. Zum Terminus Dialekt / W. Schenker. – Bern: Wirkendes Wort. – H. 2, 1975. – S. 93–101.
51. Taeldeman J. Linguistic Sex Differentiation in Flanders / Johan Taeldeman // Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik. – Stuttgart, Bamberg: – W. Viereck ed., 1995. – 11–22 p.
52. Wiesinger P. Die Entwicklung des Verhältnisses von Mundart und Standardsprache in Österreich / P. Wiesinger // Sprachgeschichte. – Berlin, New York: Hrsg. Von W. Besch, O. Reichmann, 1978. – S. 42–60.
53. <http://www.cr-alsace.fr>
54. <http://www.insee.fr>
55. <http://www.quid.fr>

Атласы немецких диалектов

1. Deutscher Sprachatlas. – 23 Lieferungen. – Marburg, 1927–1956.
2. Weifert L. F. Deutsche Mundarten / L. F. Weifert – J. F. Lehmanns-Verlag. – München, 1964–1965.
3. Wängler H.-H. Atlas deutscher Sprachlaute / H.-H. Wängler. – Akademie-Verlag. – Berlin, 1974.

SOCIAL VARIATION PROBLEMS IN AUTOCHTONOUS GERMAN-SPEAKING AREAS

Petrenko A., Khrabskova D., Petrenko D.

*Foreign Philology Institute, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Crimea, Russian Federation
E-mail: aldpetrenko@mail.ru
danuta_simf@yandex.ru
daniil.petrenko@list.ru*

The geopolitical situation in the modern world is ambiguous. On the one hand, humankind is striving for establishing national unity. On the other hand, increasingly frequent inter-ethnic conflicts and upsurge in regional movements tend to enhance people's ethnic self-awareness. Linguists are therefore becoming increas-

ingly interested in how languages function in multiethnic sociocultural areas historically formed in near-border territories with interfering genetically non-closely related cultures.

The past decade can be regarded as a new stage in the development of sociolinguistics, requiring refinements in its theory, fieldwork methods and terminology. The subject scope of modern sociolinguistics includes such broad issues as bilingualism and multilingualism, language variation and social stratification of speakers, ongoing language change etc. Among the key drivers of this evolution are the social processes and phenomena which are happening right in front of our eyes. An essential feature of the language situation in most countries is the expanding use of vernacular in all its varieties ranging from those close to dialects to those approximating the standard literary language. In the process of communication, a regional vernacular language variety often takes on special functional load. The effects of the regional factor on a language have a markedly divergent character, which, however, prevents the language from fulfilling its primary function, that of communication, for it contradicts a society's tendency towards integration as its social, cultural, economic and political structures develop. Sociolinguistic studies conducted in the past decades provide some important insights into how language structures depend on the region where they are used. Experience shows that the regional factor is inseparable from the social one and, together with the diachronic aspect, is a "source of linguistic variation, which serves as a basis for the "socialization" of language variation".

A study of the language situation in any sociocultural area is a multistage process requiring synthesis of theoretical and statistical data obtained by different sciences such as sociolinguistics, ethnopsycholinguistics, ethnography and history with due account taken of the current geopolitical and ethnic situation as well as linguistic fieldwork findings. Emerging research objects include convergent language changes developing under bilingualism (multilingualism), language variation theory functioning under ethnicity based social stratification of speakers, to name but a few.

Of great interest is, among other things, studying communication matrix codes under convergent inter-ethnic interference in France (Alsace) and Germany. Such research should involve analysis of the ethnolinguistic situation in areas where different language forms and languages (serving as characteristic features of ethnicity) are interacting as well as provide sociolinguistic underpinnings of the phenomenon of bilingualism. Alsace is a region with official French-German bilingualism. Functionally speaking, the language situation in the region could be described as unbalanced since French, alongside its official regional language status, enjoys nationwide official language status in France. Modern German, in turn, is a multinational language used in several countries and having several national varieties. Therefore, the structure of the functional system of the German language in the key countries where it is used, the composition and character of the language forms as well as their social statuses all exhibit clear differentiation, due to a number of language and non-language factors.

Interpretation of "a common territory" as a characteristic feature of a nation by the so-called theory of the nation is a problem that remains unresolved. The ethnic role of statehood is another issue which deserves further examination (with due regard for territorial factors). The state is known to have emerged much later than the earliest forms of ethnic communities. However, creating political state borders can disrupt existing ethnic ties whereas uniting geographically remote regions within one state does not automatically lead to their territorial community.

Keywords: geopolitical situation, social unity, language interference, multiethnic sociocultural areas.